
ХОХМЫ

С юмором дружу с детства. Он не раз помогал мне в самые тяжелые минуты. С огромным уважением отношусь к людям, которые шуткой, веселой историей умеют поднять настроение и оживить окружающую действительность. Поэтому с удовольствием расскажу некоторые хохмы и комические эпизоды из моей жизни, которые сам не могу вспоминать без улыбки.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Бревно

Когда мне было 12 лет, я летом спал во дворе. Отец накладывал мне на повозке сено, давал укрыться какой — то «ряднухой», и это была моя кровать. Родители укладывали меня спать на свежем воздухе, а сами шли в хату, не понимая, что одиннадцать часов вечера для сельских ребят было еще детским временем. Мы дожидались, пока все уснут и собирались компанией делать свои мальчишеские дела.

Чтобы обмануть отца и пойти с ребятами гулять по селу, я нашел бревно по своему росту и накрыл его одеялом, якобы я сплю. На мое несчастье отец зашел проверить, как я там сплю. Приподнял «ряднуху» и увидел бревно. Не долго думая, он сам лег на мое место и стал меня дожидаться. Можно себе только представить эту немую сцену, когда я откинул одеяло и хотел быстренько лечь, и вдруг увидел там отца.

В тот момент я думал, что он меня убьет. Но он взял меня за уши, потаскал, как следует и положил спать со словами: «Больше ты меня не обдуришь».

Лапша

Однажды мама в наш палисадник принесла ужин — молочную лапшу. Дело было летом, поэтому пар с нее не шел, хотя она была очень горячая. И я, отхлебнув этой лапши, страшно обжег себе язык.

Желая обмануть своих сестер, я сказал, сидя за общим столом: «Мама, ты поставила холодную лапшу». Но мне на этот раз не повезло. Ни Дуся, ни Лида не притрунулись к еде, а первым схватил ложку отец. Обжегся, конечно, и на развороте этой же ложкой огрел меня по лбу.

ШУТКИ ЛЬВОВСКОГО ПЕРИОДА

Долой бюрократов!

Как — то раз заходит ко мне в кабинет секретарь Львовского областного комитета комсомола по школам и, разговаривая со мной, берет с моего стола переносной телефон и ставит возле себя. Я еще был занят разговором по другому телефону, когда обратил внимание, что мой гость все время набирает номер и кладет трубку.

— У тебя что, своего телефона нет? — спрашиваю его. — Чего это ты эксплуатируешь мой рабочий аппарат?

— Это я гоняю Петренко, — сознался он.

Петренко работал у нас в Областном комитете партии в отделе школ. Зануда был страшный и бюрократ. Все стонали от этого «рабочничка», но терпели.

И вот секретарь комитета комсомола, который зашел ко мне, решил его все — таки прочесть. Он узнал, что в этот день никого, кроме Петренко в отделе не было. Сам же отдел занимал три смежных комнаты, в каждой из которых стоял телефон. Поэтому, если в одной из них раздавался телефонный звонок, Петренко бежал в эту комнату, чтобы поднять трубку. На это и рассчитывал молодой человек, решивший прочесть заносчивого и всеми нелюбимого сотрудника, названивая ему то по одному, то по другому телефону. Таким образом, бедный Петренко, будучи еще и человеком исполнительным, вынужден был бежать из первой комнаты в третью. Именно по этой схеме гонял несчастного народный мститель.

— Алло, обком слушает, — старательным голосом говорил Петренко, но на другом конце провода почему — то раздавались гудки.

Вся эта экзекуция длилась минут двадцать, а потом, когда все это мне надоело, и я предложил с этим покончить, комсомольский секретарь набрал еще раз нужный номер и сказал: «А чего это ты, дурак, бегаешь?», — после чего положил трубку.

Выговор

Во Львове у меня был друг, заведовал городским финансовым отделом. Мой отдел народного образования находился на одном с ним этаже. Мы часто заходили с ним на пиво, я знал его семью, одним словом, водили дружбу.

Он, правда, был грубоват со своими подчиненными, что для меня было совершенно не приемлемо. В этой связи работники финотдела завидовали работникам народного образования

По долгу службы наши структуры часто готовили совместные документы. И вот однажды я подготовил приказ по городскому финотделу с датой и подписью. Там значилось следующее: «Я, заведующий городским финансовым отделом, Павленко, сознаю что я...», — далее следовали перечень его недостатков, промахов и оскорблений. Текст заканчивался словами: «Объявить выговор». В общем, все, как положено в официальных документах.

Я взял еще другие деловые бумаги, в середину вложил свой приказ и понес их на подпись своему товарищу. На первые страницы он глянул, а потом, разговаривая со мной, подписал все поданные документы.

Я вышел из его кабинета, извлек свой приказ и повесил его на доску объявлений, прикрепив кнопкой.

Через минут пятнадцать весь отдел хохотал возле доски объявлений.

Доктор здоров?

В мою бытность Начальником управления школ Львовской железной дороги был у меня один хороший знакомый — Начальник медицинской службы. Наши рабочие кабинеты размещались на одном этаже, и мы каждое утро встречались с ним на службе.

Может быть, в силу своей профессии, но у него была отвратительная привычка: каждый раз при встрече он говорил только одну фразу: «Как здоровье?». Это меня сильно раздражало, и я решил его отучить от этого.

И вот как-то, встретившись поутру на работе, я опередил его и первым спросил: «Доктор здоров? Стул был сегодня? Все в порядке?».

После этого случая мой сосед по этажу больше глупых вопросов мне не задавал.

Гуцулка Ксения

Кузьма Пелехатый был депутатом Верховного Совета Союза ССР и председателем Львовского облисполкома. Я же заведовал городским отделом народного образования. Против должности Пелехатого — это была мелочь. Но он очень уважал меня, и мы дружили.

Как-то попали вместе в ресторан. А поскольку Пелехатый был человеком музыкальным, он первым делом подошел к музыкантам и попросил исполнить его любимую песню — «Гуцулку Ксению». Они ответили, что не знают такую. Тогда Кузьма Николаевич, опершись на перила, напел им мелодию. Пианистка записала даже ноты этой песни.

Через десять дней мы опять оказались в этом же ресторане. Там уже «Гуцулка Ксения» звучала полным ходом. Кузьма носил депутатский значек, поэтому пианистка не решилась обратиться к нему, а меня спросила: «Скажите пожалуйста, чья это музыка и чьи слова?». А я говорю шутя: «Слова и музыка Кузьмы Пелехатого». Девушка записала сведения в блокнот.

Оказались мы в этом ресторане и в третий раз (как в сказке), только уже в компании львовян, которые хорошо знали Кузьму Николаевича. Сидим мы, разговариваем, когда слышим голос ведущего торжественно объявляет песню: «Гуцулка Ксения. Слова и музыка Пелехатого».

Тогда Кузьма обо всем догадался, замахнулся на меня палкой (он ходил с палкой) и говорит: «А, это ты, провокатор».

Павлуша

Я не уважаю людей хвастливых, которые любят подчеркнуть свою значимость, свой статус. А у нас во Львове был такой начальник отдела кадров Областного комитета партии. Потом отделы кадров были ликвидированы и этого товарища перевели на сельхозтехнику, что означало понижение по должности. Но он, как правило, при встрече убеждал всех в том, что не задержится на этой должности, и для него найдется место посолидней.

Я с ним не дружил, а вот Председатель Львовского городского совета Николаенко был с этим человеком в близких отношениях.

И вот как-то мы с Николаенко приехали в Киев на заседание Совета Министров по вопросу оздоровления детей. Мы жили в

гостинице «Театральная» (сейчас ее уже нет). Билеты на обратный путь взяли на самолет, который улетал в 6 часов утра.

Машину заказали в Кабмине, за нами должен был приехать дежурный автомобиль, чтобы отвезти нас в аэропорт.

В последний вечер мы долго сидели в ресторане, слушал музыку, закусывали. А потом поднялись к себе в номер, и я сказал своему коллеге, что хочу позвонить водителю, чтобы он меня встретил. А для междугороднего разговора я приобрел талон. А приятель мне и говорит, что, мол, зачем, если за ним тоже придет машина. Предложил не гонять зря водителя в такую рань.

Таким образом, у нас остался неиспользованный талон. И тут Николаенко вдруг говорит: «А давай позвоним Павлуше» (это тот, который был чрезмерно хвастлив). А, на минуточку, это было 2 часа ночи. «Только ты сам с ним поговори, а то он меня узнает. Придумай что-нибудь интересное», — предложил он.

И я набрал Павлушин номер.

— Бычков слушает, — почти бодрым голосом ответил Павлуша.

— Павел Иванович? — строго переспросил я.

— Павел Иванович, — подтвердил он.

— Говорит дежурный Совета Министров, — продолжил я разговор официальным тоном. — Я только что получил указание срочно связаться с вами. Первым же самолетом со Львова в Киев вы должны передать свой личный учетный листок.

— Да вы что, — пролепетал онемевшим от ужаса языком Павлуша. — Где же я вам ночью его возьму?

— Мне приказано вам передать эту информацию, — твердо заявил я, — а вы уж думайте, как исполнить. Подключите своих людей, организуйте транспорт, но чтобы к утру документ был здесь, — и повесил трубку.

Прилетаем мы во Львов на самолете, который через час должен лететь обратно в Киев. Николаенко говорит:

— Ну, сейчас мы встретим Павлушу в аэропорту.

— Ты, думаешь, приедет? — спрашиваю.

— А как же. Он быстро смекнул, зачем личный листок нужен Совету Министров. Небось, решил, что его будут выдвигать, пришло время. Я то уж его хорошо знаю.

И действительно. Мы сошли с самолета, видим — Павлуша с деловым портфелем в руках важно прохаживается по аллее. Ждет.

Подходим, здороваемся, и Николаенко, как ни в чем ни бывало, спрашивает у Павлуши, куда это он собрался в такую рань.

— Да ты понимаешь, — взволнованно ответил он, — хотя меня, наверное, наверх «двинуть», сказали срочно личный листок передать в Киев.

— Ну, какой же ты все-таки недотепа, — всплеснул руками Николаенко и залился смехом. — Это же мы тебе ночью звонили.

Какими только словами не называл нас бедный Павлуша. Он бегал, как ужаленный, размахивал портфелем и кричал, что пожалуется на нас начальству.

И мне пришлось Павлуше мягко намекнуть, что если он кому-нибудь расскажет о нашем розыгрыше, то все без исключения узнают какой он, Павлуша, все-таки чудак. Поэтому он сам должен быть заинтересован, чтобы ни одна живая душа не узнала о случившемся. Я в свою очередь пообещал, что мы не скажем никому ни слова, если он нас угостит в ресторане праздничным завтраком в честь нашей встречи.

Павлуше ничего не оставалось, как принять это предложение. Мы выпили по рюмке коньячку, помирились и на том разбежались по домам.

И СМЕХ И СЛЕЗЫ. О ВОЙНЕ.

Записка

В селе Тшебиня, под Краковом, у нас был знакомый староста Солтес. Он рассказал моим хлопцам, что немцы приказали к субботе собрать продукты по списку, который они составили. Тогда мы с Солтесом договорились, что я посылаю своих людей в пятницу, и они все эти продукты забирают, чтобы немцам не досталось ничего.

В субботу утром, когда они приехали за провизией, староста показал им мою записку. В ней значилось, что я, полковник Васильев (я так подписал записку) действительно забрал все приготовленные к сдаче продукты, а дальше шел их подробный перечень.

Мы, конечно, переживали, чтобы немцы не расстреляли Солтеса за этот «трюк», но сам он не боялся расправы. И, действительно, Бог его миловал. Немцы только пригрозили ему, велели собирать продукты снова и уехали.

Привычка

На хуторе Явожже жили гурали (этнографическая группа поляков, живущих в горах). Они были настолько бедные, что даже зимой по снегу ходили босиком. Мне было жалко этих гуралей, и я приказал своим хлопцам пробраться в Мислиницы, где находилась обувная фабрика, снять охрану и забрать всю обувь, какая попадется.

Операция прошла блестяще — фабрика охранялась какими-то калеками-немцами, и не составляло труда их обезвредить. Наши ребята погрузили всю обувь на две подводы и привезли ее на хутор. Ботинки, сапоги и туфли были розданы беднякам, за что они были очень благодарны.

А через неделю мы заехали к ним и стали свидетелями такой картины. Гурали шли в церковь босиком, как обычно, и только перед храмом одевали обувь.

Новый Год

Перед Новым, 45-ым годом, когда до прихода наших войск оставалось две недели, ко мне пришел Герард Возница — руководитель нашего соседнего партизанского отряда Армии Крайовой с деловым предложением. Чтобы отметить Новый год, его ребята предложили конфисковать у немцев водку прямо с завода.

Я категорически отказался. Сказал Герарду, что не хочу рисковать жизнью людей, а без водки мы обойдемся. Но тут ко мне обратились уже наши хлопцы, во главе с Близняковым, смелым парнем из Белоруссии, который руководил диверсионной группой. Они предлагали все — таки «увести» водку с завода и были уверены в успехе. Им стало известно, что это предприятие охраняется немцами, которые попали под тотальную мобилизацию и потому не представляют никакой опасности для наших «орлов». Пришлось согласиться.

И действительно, все прошло без единого выстрела. Немцев легко обезоружили, и они же помогли даже грузить водку в ящиках на подводы.

Водку «Ежембе» (так называлась эта местность) поделили честному, согласно количеству людей. У Герарда было 300 человек, поэтому он забрал основную часть, а мы взяли свою порцию на 40 человек.

Я предложил вожаку польских партизан закопать пару ящиков этой водки в лесу, а потом встретиться уже после войны и распить ее совместно за победу. Так и сделали. Я взял своих «понятых», Герард своих представителей, чтобы не все видели, куда мы собираемся закапывать ящики.

А через несколько дней после Нового года я решил проведать место нашего «клада», не покусились ли на него наши польские собраты. Взял Близнякова для компании, и мы пошли на это место. Никакой водки там уже не было.

Говорю потом Герарду: «Как же не честно Вы все — таки поступили». А он мне отвечает: «Не беспокойся, капитан, твою порцию мы оставили...».

Гришка

У меня в разведывательной группе был Гришка — смелый и отважный, просто героический парень. Любые задания выполнял безотказно. Единственный был у него недостаток — любил выпить. А у меня в группе был сухой закон. Я позволил своим разведчикам выпить только два раза — на 27-ю годовщину Октября в 44-ом и на Новый год в 45-м, когда мы все вместе устроили небольшое застолье, находясь еще во вражеском тылу.

И вот с одного задания Гришка явился пьяным, причем изрядно перебравши. У нас было наказание за такие вещи строжайшее. Может быть, сейчас комуто покажется это смешным, но наказывали сами ребята — давали «горячих» (били палками). В случае же с Гришкой я принял решение посадить его в яму изпод картофеля. И охранять его поставил Гатаулина Сашу, который был родом из Башкирии, нашего повара.

Среди ночи, чтото мне не спалось, и я подумал, что напрасно я держу Гришку в яме, надо его оттуда вытащить, пусть отдохнет. Одним словом, решил его помиловать. Взял с собой хлопцев, и мы пошли к месту заключения моего подопечного.

Открыл крышку ямы, присветил фонарем и увидел, что никакого Гришки там нет. И при этом охранник, Сашка, добросовестно стоял с автоматом и стерег пустую яму.

— А ты чего здесь стоишь? — спрашиваю его.

— Гришка сказал, что к утру вернется.

Оказалось, что наш герой пошел на свидание к девушке Стефе. За находчивость я его простил, а вот повара пришлось посадить в яму.

Широка страна моя..

В ноябре 44-го мы отмечали 27-ю годовщину Великой Октябрьской революции, находясь во вражеском тылу. Это был тот редкий случай, когда я разрешил своей группе организовать небольшое застолье и выпить спиртное.

По этому случаю, Алеша Шаповалов пришел на нашу базу и, сидя за столом, рассказал такую историю.

Как оказалось, он решил угостить нашего осведомителя Гартмана праздничным завтраком и привел его в усадьбу Юзефа Скомского, который в тайне от отца помогал нашей группе, снабжая продовольствием.

Через некоторое время жители села услышали, как кто-то громко запел: «Широка страна моя родная...». Никому не могло даже в голову прийти, что пел ее гитлеровец, немецкий офицер после хорошего угощения.

Алеша, конечно, получил взбучку, потому, что в этом селе Санка находилась наша радиостанция, и приводить туда Гартмана и тем более знакомить его с Юзефом, было полным безумием.

«Вудка wyborова»

Когда мы попали в Краков через 20 лет, Згибнев Сколицкий, мэр города делал прием в нашу честь. В числе приглашенных были представители элиты Кракова — известные ученые, артисты и спортсмены. Наша делегация состояла из участников разведывательной группы, оставшихся в живых.

Во время приема мэр провозгласил тост за дружбу между нашими народами (на русском языке, которым хорошо владел), и нужно было сказать ответное слово. Поскольку я уже выступал перед этой аудиторией, я сказал Алеше Шаповалову, моему болевому заместителю, чтобы речь сказал он.

Алеша приободрился, поднял рюмку и попытался в знак уважения говорить на польском языке. Во время войны мы говорили на польском, но это был «лесной» язык, совсем не предназначенный для ушей национальной элиты. И когда Алексей стал вперемишку употреблять польские, немецкие и украинские слова, Сколицкий не выдержал. Он взял моего товарища за рукав пиджака и тактично предложил ему перейти на русский, объяснив тем, что по-польски он «ниц не понимает».

На этом же приеме присутствовал полковник Армии Крайовой Побук, наш знакомый по тылу, с которым мы вместе были на свадьбе (я допустил тогда неоправданный риск). И вот этот полковник наливает два фужера, один отдает Алеше Шаповалову и предлагает выпить за «За вечну пшиязнь радянско—польску». Все поддержали тост аплодисментами.

Алексей смело взял фужер и говорит: «Когда у нас пьют за дружбу, то меняются бокалами», — и поменял фужеры местами. Он просто заметил, что полковник наливал себе воду, хотя старался делать это незаметно. Шаповалов же одним махом опустошил этот фужер с водой, крикнул, как полагается для публики, и прокомментировал: «Бардзо муцна вудка выборов польська». Ни у кого не осталось сомнений, что он выпил крепкий напиток.

Полковник же отхлебнул, сколько смог, а дальше не идет. Но тут стали все скандировать: «До дна, до дна!». И ему пришлось выпить до дна, чтобы не ударить в грязь лицом. До конца вечера он сидел уже не за столом, а под ним.

«Богатыр»

С Алешой Шаповаловым связано много курьезных случаев, такой уж он был человек. Один из них произошел во время съемки фильма, который делали москвичи о нашей разведывательной группе «Теперь их можно назвать».

На съемки пригласили очень много людей, участников событий, связанных со спасением Кракова. По замыслу режиссера мы встречаемся все в лесу и в непринужденной обстановке сидим, общаемся, выпиваем, закусываем.

Алеши Шаповалова на этой встрече не было, его задержали партийные дела и он не смог приехать. И вот в такой задумчивой обстановке поднимается наша связная из Польши, Янка, которой во время войны было 17–18 лет и говорит:

— Какой же, уважаемое панство, он герой? Какой «богатыр?», — имея в виду Алешу Шаповалова.

От неожиданности все замерли, и только камера продолжала делать свою работу.

— Однажды был такой случай, — стала рассказывать она. — Я шла на встречу с капитаном Михайловым и остановилась в конспиративной землянке. Ночью туда пришел этот «богатыр» и мы ночевали там вместе. Но, прошу прощенья, уважаемое панство, этот «богатыр» кроме хлеба у меня «ниц не просив».

Хохот поднялся страшный.

Возвращаюсь я с этой поездки, звоню Алеше в Кировоград и говорю ему:

— В Кракове, Алеша, тебе уже нечего делать, можешь о нем забыть навсегда.

— А что, чего это вдруг? — услышал я недовольное бурчание друга.

Ну, я ему и рассказал, как Янка выдала про него на съемках фильма. У него был шок, а потом он с трудом выдавил из себя: «Она врет, все было иначе».

А когда Алеша приехал ко мне в гости с женой, и я при ней тоже рассказал этот забавный случай, появилась третья версия произошедшего. «Кому чего не хватало, — сказал Алексей, — тот то и просил».

Папаша

Закончилась война. Мы были размещены в Крайсбурге на конспиративных квартирах. Любые знакомства нам были категорически запрещены. Алеша Шаповалов все же познакомился с одной чешкой, радисткой из другой группы. Он очень все конспирировал, чтобы не знал наш генерал или полковник.

И вот однажды он пошел к этой чешке на свидание. И, когда он находился в ее квартире, в дверь кто-то постучал. Со словами «Ой, это идет наш папаша!» девушка вытолкнула Алешу на балкон и пошла открывать дверь своему шефу, полковнику, который, очевидно, тоже заглядывал к ней время от времени.

И получилось так, что Алеша стал невольным слушателем их общения. Помимо того, что полковник пытался рассказать чешской девушке насколько глубоко его уважение к ней, он еще ей сказал, что будет назначен военным атташе в Прагу.

То есть, что их отношения могут иметь перспективу.

Пикантность ситуации имела свое продолжение. Этот полковник пришел к нам, принес какие-то продукты, мы сидели в моей комнате, разговаривали. И тут вдруг Алеша, ненавязчиво задает ему вопрос: «А что, Вы действительно назначены военным атташе в Прагу?». Далее последовала немая сцена.

Зарплата

Уже в мирное время мыс Алешей Шаповаловым были приглашены на встречу в Генеральное консульство Польши в Киеве по случаю очередной годовщины Войска Польского. Уровень меро-

приятия был высочайший. Присутствовали первые лица наших партийных и силовых структур.

Алеша провозгласил тост за дружбу между нашими народами, а потом, «потянув» лишнюю рюмку и раскрепостившись, вдруг заявил:

— Когда я работал в Абвере, получал больше, чем сейчас в обкоме партии (он был заворгом Кировоградского обкома).

В то время такая откровенность могла стоить Алеше головы. За такие слова его могли запросто посадить в тюрьму. Но все обошлось. Видимо, никто из присутствующих высокопоставленных персон не посмел причинить вред такому обаятельному и открытому человеку.

Варшавская история

Варшавское телевидение в 2009 -м году снимало фильм о деятельности группы «Голос» и о спасении Кракова. Съёмочная группа приехала из Варшавы. Режиссером и сценаристом фильма была Галина. Я спросил ее в полшутку, почему они так опоздали с фильмом о подвиге советских разведчиков, ведь после войны прошло уже больше 60 лет. Она мне ответила, что в Польше воспитание молодежи является одной из серьезнейших проблем. Когда их страна стала членом объединенной Европы, молодежь массово стала уезжать на заработки в другие страны, появились и другие проблемы. Патриотическое воспитание поляки решили возрождать на примере советских разведчиков. Так и возникла идея создания фильма.

Во время съемок группа планировала находиться в моей квартире три дня. Я согласился только на один. Но он мне очень дорого стоил. Мое интервью длилось около 10 часов. И вот в самом конце съемок Галина вдруг сказала: «Евгений Степанович, покажите Ваш пистолет, подаренный Министром обороны».

Пистолет у меня действительно был, подаренный к моему 90-летию. Правда я сказал, что заказывал бронетранспортер, и все присутствующее очень веселились по этому поводу. Остановились на пистолете «Вальтер-9».

Пистолет моим гостям понравился, они крутили его в руках, с интересом читали дарственную надпись. А потом режиссер мне неожиданно заявляет: «Возьмите пистолет в правую руку и цельтесь в меня». Я был ошарашен, совершенно не понимая к чему все это, но выполнил ее просьбу.

Когда оператор закончил снимать этот эпизод, Галина спросила:

— А знаете, чем будет заканчиваться мой фильм? — В ответ я только покачал головой.

— Вы нацеливаете на меня пистолет, — протягивая вперед руку объяснила она, — и говорите такой текст: «Если ты мне задашь еще хоть один вопрос, я тебя пристрелю...»

НА ОТДЫХЕ

Чеснок

Обычно летом мы отдыхали вместе с женой Катериной. Но несколько раз случалось так, что я ездил и один. Запомнился мне один случай, произошедший со мной в Гаграх в санатории «Украина».

В столовой меня посадили за столик, где сидели три дивчины, причем все три были секретарями обкомов комсомола. Они всегда опаздывали на ужин, потому, что долго приводили себя в порядок. Быстро ели и бегом бежали на танцы.

Наблюдая эту картину ежедневно, мне пришла в голову одна идея. Еду в санатории приносили официанты, а вот на отдельном столике всегда стояли овощи, приправы, которые можно было брать, сколько хочешь в дополнение к еде по своему вкусу. И вот я несколько дней подряд добавлял в закуску моих соседок по столу немного чеснока.

Понятно, что моя нехитрая манипуляция, естественно, возымела свой резонанс. Симпатичных девушек перестали приглашать на танец.

Тогда они стали допрашивать с пристрастием официантку Аллу, зачем она им кладет в еду чеснок. Та была в недоумении, и тогда все дружно посмотрели в мою сторону. Я был разоблачен.

Нарзан

А когда я отдыхал в Кисловодске, со мной за столом сидел начальник областной автоинспекции из Херсона. Симпатичный такой человек, не лишенный к тому же чувства юмора. Через несколько дней к нам посадили еще одного человека, тоже областного автоинспектора из Николаева.

Все блюда в столовой заказывались на день раньше. И вот мой сосед из Херсона, пользуясь отсутствием своего коллеги из

Николаева, решил подшутить над ним и заказал ему блюда исключительно из овощей. Когда же на следующий день официантка подала ему эту еду, возмущению бедного автоинспектора не было предела. «А почему вы меня этим кормите, я вообще — то не вегетарианец и этого не люблю».

Но веселый автоинспектор этим не ограничился. И когда вновь прибывший коллега его спросил, как нужно правильно принимать нарзанные ванны, тот ему дал ценный инструктаж.

— Во-первых, ты должен перед ванной выпить кефир и съесть булку, которые будут стоять на подоконнике, — начал объяснять инспектор.

— А мыло брать с собой? — поинтересовался новенький.

— Конечно, как же без мыла, — подтвердил тот, — чем ты будешь мыться?

— А в трусах в ванну залезать или без?

— В трусах, не голым же ванну принимать.

И вот начинающий курортник сделал все четко согласно инструкции. Выпил кефир и съел булку, которая выдавалась обслуживающему персоналу санатория за вредность, потом намылился и залез в ванну.

Когда эту картину увидела вошедшая няня, она сказала: «Да, много я здесь дураков видела, но такого вижу первый раз», — и покосилась на пустой подоконник.

ИЗ ЖИЗНИ КОМАНДИРОВОЧНОГО

Кукуруза

Я был в командировке в ГДР. Начальник просвещения пригласил меня на обед домой. Присутствующие, человек 15 все владели русским языком, потому, что кончали московские вузы. Начали рассказывать анекдоты, и вот одна из «немкень» говорит: «А я вам о Хрущеве расскажу». А он тогда был у власти. Слушать анекдоты про генсека, а тем более их рассказывать было не безопасно. Но, что делать? Анекдот был таков:

Никита Сергеевич очень любил футбол и был болельщиком московского «Динамо». Когда «Динамо» стало проигрывать киевлянам, он вызвал капитана и сказал: «Еще раз проиграете, я прикажу переорать стадион и посеять кукурузу».

Притча

Эту притчу я услышал на одной из вечерних посиделок в Женевской гостинице, на которой присутствовали делегации стран. Рассказала ее заведующая отделом народного образования Новгорода Носкова:

— Все вы знаете, как появились первые люди, — начала она. — Бог создал Адама и Еву, а потом стали появляться и другие люди. Все они были умные. Но умным, как известно, скучно без дураков. Тогда Адам и Ева обратились к Богу, чтобы он сотворил пару дураков. Он это сделал. Дураки стали плодиться более активно, поэтому баланс был нарушен.

— Тогда Бог, — продолжила Носкова, — умных погрузил в первый контейнер, а дураков во второй, чтобы отправить на Планету Земля для дальнейшего ее освоения. По дороге люди из первого контейнера стали петь: «Мы умные, мы умные...»

— Вы знаете это песню? — спросила рассказчица у присутствующих. — Нет, — ответил я один из первых.

— Тогда Вас в первом контейнере не было. Вы, очевидно, со второго.

Все, конечно хохотали. Мне понравилась эта хохма, и я ее однажды повторил, будучи в гостях, где присутствовал директор Киевской оперы (почему-то пришел с собачкой). Когда мы дошли до вопроса: «Знаете ли Вы эту песню», он первым крикнул: «Нет!». А когда я ему объявил, что он «из второго контейнера», он демонстративно поднялся, взял свою собачку и ушел.

«Насчет второго контейнера я все-таки не ошибся», — подумал я.

Доброе утро

Был я в командировке в Венгрии по линии общества «Знание». В Будапештском университете читал лекцию «Народное образование в СССР», а потом меня пригласили выступить также перед пограничниками. На этой встрече я познакомился с Командующим войсками и его женой, которая была родом из Ленинграда. Встреча была теплой и запоминающейся.

После этого меня проводили на вокзал и посадили в поезд. А на границе, в 5 часов утра, ко мне в купе постучали. От неожиданности и со сна я не мог понять, в чем дело, накинул пиджак и открыл дверь.

— Доброе утро, Евгений Степанович, — с улыбкой сказал мне проводник. И когда я непонимающими глазами продолжал на него смотреть, он объяснил:

— Командующий войсками просил обязательно Вам сказать «доброе утро».

Цыгане и космонавт

С космонавтом Титовым я познакомился в Белоруссии. Я возглавлял делегацию Совета мира Украины на встречах с польской молодежью, которая проходила в Белоруссии. А Титов был в составе делегации Совета мира ССР. По настоящему мы познакомились в Минске.

Я был закреплен за делегацией Румынии, а Титов был закреплен за болгарами или венграми. Он в то время любил «добрыче врезать». И вот на ужине, в ресторане, я сижу со своими подопечными румынами. Ко мне подходит Титов, хлопнул меня по плечу и говорит: «Слушай, майор, чего ты с этими цыганами сидишь? Пошли по сто грамм выпьем».

Я не знал, куда мне деваться, ведь румыны хорошо владели русским языком.

Приглашение на примерку

Мы с Рустамом Юсуфбековым вместе были в поездке по Англии. Нас пригласил английский Совет, и перед нами стояла задача познакомиться с их системой просвещения с целью заимствования передового опыта. Состав делегации был такой: Первый заместитель министра просвещения ССР, Рустам Юсуфбеков — Министр просвещения Таджикистана, переводчица и я.

Это был март 1968 года. Помню, что когда мы прилетели, то в Гайд-парке трава уже была зеленая. Возле этого знаменитого места нас поселили в гостиницу.

Рядом располагался один из самых крупных в Англии универмагов.

Делегацией мы были безвалютной и мало что могли себе позволить из покупок. Из карманных денег нам выдали 40-50 фунтов (1 английский фунт тогда приравнялся к нашим 4 рублям), а проживание и питание было за счет англичан. Примерно столько же нам добавил Английский Совет. Тогда каждая заграничная поездка сопровождалась ажиотажем в части покупок, ведь у нас много не было из того, что продавалось за рубежом.

В первый же день я купил в этом универмаге два платья для своей жены и еще что-то. Одним словом, полностью потратил весь денежный резерв. Через несколько дней ко мне в номер зашел Рустам Юсуфбеков и предложил пойти в универмаг. Я спросил его, есть ли у него деньги, потому, что свои я уже «спустил». Оказалось, что у него та же история.

Однако, этот универмаг имел одну особенность. В нем на подиуме расхаживали манекенщицы, которые по просьбе покупателей примеряли на себя ту или иную вещь. Вот Рустам и пригласил меня пойти посмотреть на эту примерку.

Голая реклама

Во время этой же поездки мы посетили киноконцертный зал Лондона, куда нас пригласили в рамках культурной программы. Однако, зрелище, которое мы увидели, нас мягко говоря, обескуражило.

В первом ряду зрительного зала сидели приличные, хорошо одетые девушки. Мы сидели недалеко от них, во втором или третьем ряду. И вот, когда началось представление, они вдруг неожиданно начали раздеваться догола. В зал заскочила полиция и вывела этих голых женщин. Такого «чуда» мы еще не видели.

На следующий день во всех английских газетах появились статьи с кричащими заголовками об этом инциденте. Оказалось, что это была всего на всего реклама спектакля, который зрители пришли увидеть.

ДРУЖЕСКИЕ ШУТКИ

Гоноровый генерал

У меня есть один знакомый — очень гоноровый генерал, который всегда любил подчеркнуть свое преимущество во всем. Я с ним дружил и любил иногда подшутить над ним.

1 Апреля я позвонил ему утром рано и сказал, что слышал лично по радио важное объявление — сегодня по Первому каналу телевидения будут передавать очень важное обращение Правительства к народу. Генерал меня уверил, что будут с женой непременно слушать, и поблагодарил меня за звонок.

В результате бедный генерал присидел вместе с женой перед телевизором полдня в большом напряжении, а когда догадал-

ся, что это был первоапрельский розыгрыш, очень рассвирепел. Даже слова всякие начал употреблять. Пообещал, что впредь никогда не поддастся на мои уловки.

На следующий год я позвонил ему 8 Марта и ненавязчиво рассказал, что был в его районе и случайно купил в гастрономе, возле его дома, 10 пачек краснодарского чая. Генерал был большим любителем этого чая, а в советские времена это был страшный дефицит.

Он тут же пошел в гастроном за покупкой, но продавщицы ему объяснили, что такого сорта чая нет и уже сто лет не было. Но генерал им не поверил и стал уличать работников торговли в жульничестве и скрытии дефицитных товаров.

Когда же он узнал, что и это было вранье, то твердо пообещал, что больше вообще никогда не будет меня слушать. Тогда на третий год я ничего не говорил, а написал ему письмо, как председателю районного общества охотников, якобы от охотников Польши. В письме содержалась всякая всячина, но выглядело оно вполне правдоподобно, поэтому и на сей раз генерал попал впросак.

Высокое звание

В Братиславе я познакомился с одним человеком, он тогда находился на дипломатической службе, был генеральным консулом. Мы сдружились, выяснили, что во время войны выполняли похожие задания, только он — по линии органов госбезопасности.

Мы продолжали общаться, и так вышло, что в какой-то момент, когда мне присвоили звание генерала, он по своему статусу оказался ниже. С одной стороны это не имело значения для наших отношений, ведь когда мы познакомились, я по фильму был майор (Вихрь), а в действительности капитан.

Но все же, я почувствовал, что он позавидовал мне хорошей, белой завистью, ведь и он был достоин высокого звания, просто по его линии дело не продвигалось так активно.

И вот он позвонил по случаю моего повышения и с некоторой иронией в голосе говорит:

— А ты знаешь, кому присваивают звание генерала?

— Нет, — говорю, — не знаю, расскажи.

— Звание генерала, — таинственно произнес он, — сейчас присваивают полковнику, ... который выжил из ума.

Вот так своеобразно он поздравил меня с присвоением высокого звания. Я не обиделся. Более того, этой шуткой я вос-

пользовался во время того, как меня принимали в генеральское сообщество (как оказалось и такое существует!). Все присутствующие генералы, узнав истину о происхождении своего звания, смеялись до слез. Все — таки, какие у нас настоящие генералы!

Ай да, Пушкин!

Теперь в Горном институте, где я проучился два года, меня сделали почетным профессором. А когда — то я выступал там перед молодежью Днепропетровска, как разведчик. И вот Пушкин, который в то время был секретарем Днепропетровского Обкома комсомола, в конце говорит: «Уважаемые товарищи, вы знаете, что завтра у Евгения Степановича защита кандидатской диссертации в Университете Шевченко? Помолимся, товарищи комсомольцы за его успех!».

Пушкин и сейчас живет и здравствует. Он профессор, ученый. Памятник его отцу, генералу Пушкину, который освободил Днепропетровск, установлен в этом городе.

Два глухаря

Я начальник управления Министерства. Ко мне заходит мой приятель, директор одной школы и спрашивает меня, как ему пройти в отдел интернатных учреждений. Я ему объясняю, как найти нужного человека, и, между прочим, замечаю, что этот человек плохо слышит.

— Учту, — говорит мне приятель и выходит из кабинета. Тем временем я поднимаю внутренний телефон и точно так же предупреждаю заведующего отделом, с которым я тоже был в приятельских отношениях, что у него сейчас будет глуховатый визитер.

— Помоги ему, пожалуйста, — попросил я приятеля, — только имей в виду...

— Я все понял, — пообещал он.

Через несколько минут в коридоре раздались дикие крики. Это мои знакомые пытались поздороваться друг с другом.

Потом, конечно, мы собрались вместе, и я признался им, что это был розыгрыш. Они тоже посмеялись.

Командарм

Есть у меня знакомый генерал-лейтенант. Мы с ним в дружеских, прекрасных отношениях. Он был командармом армии в Афганистане, получил орден Кутузова и другие награды, в общем, знаменитая личность.

В прошлом году было какое-то торжество, и за мной Главное управление разведки прислало машину. Молодой офицер, который прибыл меня забрать, сказал, что по дороге заедем за командармом.

А у него комплекция довольно внушительная. И вот когда он сел в машину, я его попросил, чтобы он не становился со мной рядом, когда нас будут фотографировать

— Почему? — удивился он.

— Альбом не закроется, — объяснил я.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Песня брянских партизан времен Брежнева

Леня Брежнев и Подгодный

Нахлестались отборной,

А наутро эти рожи

Водку сделали дороже.

Хрущев

Спутник, спутник ты могуч,

Ты летаешь выше туч,

Забери с собой Никиту

И на радость всей земле

Подари его Луне.

Горбачев

Горби на море купался,

Глядь — путчисты, испугался.

Туалета не нашел,

А процесс уже пошел.